

**ИРОНИЯ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА:
ОСОБЕННОСТИ ИРОНИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ
В РОМАНЕ «ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ»**

С. С. Ваулина¹, Е. В. Булатая²

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

² Барановичский государственный университет
Республика Беларусь, Барановичи, ул. Войкова, 21

Поступила в редакцию 23.03.2021 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2021-4-7

Ирония рассматривается как оценочная категория в литературно-художественном дискурсе. Указываются такие типичные черты иронической оценки, как имплицитный характер, то есть способность иронии представлять оценочную позицию автора в завуалированной форме, авторская субъективность, непосредственно зависящая от авторских установок и идейных замыслов, негативная окраска иронической оценки и высокая степень ее воздействия на читателя художественного произведения. Определяются основные приемы актуализации оценки, выраженной в форме иронии в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Анализируются особенности иронической оценки в произведении, указываются формы выражения иронии. Установлено, что в романе «Господа Головлевы» основными приемами иронического смыслопорождения выступают антифразис, неожиданный иронический вывод из ситуации, антитеза, употребление неподходящих для определенной контекстной ситуации терминов, использование интертекстуальных включений, нарочитое создание автором абсурдных ситуаций, включение в повествование риторических вопросов. Определено, что основной чертой иронической оценки в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» является ее сатирическая основа, отдаленность от юмора, направленность на острое обличение человеческих пороков и общественных недостатков в исторический период господства класса помещиков. Делается вывод о том, что приемы иронического оценивания в романе «Господа Головлевы» составляют важный компонент в идиостилевой системе М. Е. Салтыкова-Щедрина, раскрывают специфику его повествования в произведении и особенности мировидения писателя.

Ключевые слова: ирония, оценка, авторская модальность, идиостиль, художественный дискурс, приемы иронического оценивания

Введение

Изучение смысловой стороны литературно-художественного дискурса вполне закономерно составляет предмет устойчивого научного интереса филологов. Данный факт обусловливается и сложностью исследования семантических категорий, формирующих внутреннюю оболочку произведения художественной литературы — авторского

«продукта», носителя авторских идиостилевых черт во всем их многообразии и уникальности. При этом изучение аксиологической стороны литературно-художественного дискурса расширяет знания относительно эмоциональной составляющей произведения, автор которого посредством выражения своей оценочной позиции стремится найти эмоциональный отклик у читателей. При рассмотрении формирования оценочных смыслов в литературном произведении исследователи отдают должное одной из их разновидностей — иронии (см. об этом, например: (Маликова, Маркелова, 2013; Солодилова, 2014)), особенность которой как оценочной смыслоформирующей категории в дискурсе художественной литературы по сравнению с другими видами комического состоит в ее имплицитном характере (см., например: (Никитин, 1988; Сергиенко, 1994; Заврумов, 2016 и др.)), детерминирующем порождение сложной системы скрытых значений в произведении и тем самым сложность декодирования читателем иронической оценки и авторских интенций.

Кроме того, актуальность нашего исследования обуславливается тем фактом, что изучение языковых и смысловых особенностей произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина позволяет внести дополнительный вклад в выявление идиостилевых составляющих писателя, поскольку язык его произведений, содержащий четкий отпечаток национальной культуры русского народа, представляет собой многокомпонентную систему средств художественно-иронического смыслопорождения.

В контексте вышесказанного целью представленной научной работы является определение специфики формирования иронической оценки как идиостилевой черты М. Е. Салтыкова-Щедрина в одном из его ключевых произведений — романе «Господа Головлевы», а на достижение вышеназванной цели направлено решение задач, состоящих в выявлении и систематизации основных приемов актуализации иронической оценки в произведении, установлении форм реализации иронической оценки, выражающих модально-оценочные установки писателя, определении особенностей иронического повествования в романе.

Методологическую базу статьи составили методы описательного, семантико-стилистического и контекстуального анализа.

Научная новизна данного исследования определяется рядом факторов. Так, если творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина получило достаточно широкое рассмотрение в работах ученых-литературоведов и литературных критиков (см., например: (Гроссман, 1929; Иванов-Разумник, 1930; Эльсберг, 1953; Ефимов 1953; Трофимов, 1967; Бушмин, 1976; Айхенвальд, 1994 и др.)), то комплексного лингвистического описания идиостиля писателя с точки зрения формирования неявных авторских оценок в его произведениях через призму комического не существует до сих пор. Отдельные исследовательские работы посвящены изучению языковых особенностей сатирического стиля М. Е. Салтыкова-Щедрина (Гагарина, 2006), средств выражения оценочных значений (Саввина, 2008), аксиологической природы смеха в идиостиле писателя (Маркелова, Петрушина, 2015). Предпринятое же нами исследование иронии как имплицитной формы проявления оценки писателя в семантическом

поле авторской модальности путем выявления, анализа и классификации приемов иронического смыслообразования в романе «Господа Головлевы» вносит определенный вклад в установление специфических черт идиостиля М. Е. Салтыкова-Щедрина, а также в общую разработку проблем «ирониеведения».

Ирония в литературно-художественном дискурсе

Анализируя категорию иронии в дискурсе как «способе описания языка, при котором языковые структуры соотносятся с текстом/высказыванием» (Золян, 2020, с. 15), следует назвать особенности иронии, присущие ей в конкретном дискурсе. Так, говоря о функционировании иронии в дискурсивном пространстве в целом, К. М. Шилихина называет такие основные компоненты иронии, как «намеренная некогерентность, игровое поведение или притворство говорящего, а также имплицитно выраженная деонтическая оценка» (Шилихина, 2014, с. 270). Обращаясь к литературно-художественному дискурсу, а именно к дискурсу романа, который, по замечанию Ю. С. Степанова, будет составлять не сам текст, а «картина мира, создаваемая посредством этого текста, вплоть до "идеологии", авторских предпочтений, его симпатий и антипатий, "подтекста"...» (Степанов, 2001, с. 36), к отличительным чертам оценки, выраженной в форме иронии, необходимо отнести, наряду с имплицитным характером, субъективность, обусловленную авторскими установками и ценностными ориентациями, авторской концепцией мира. «Сам выбор предметов и явлений объективной действительности и их качественная оценка, — отмечает А. В. Кузнецова, — характеризуются субъективной модальностью, так как автор всегда отражает собственное отношение к описываемому в тексте» (Кузнецова, 2020, с. 4). При этом ирония выступает одним из способов познания мира и ценностной рефлексии, представляет собой своеобразную форму игры, заключающуюся в изучении, анализе и, как итог, оценивании объективной реальности. Следовательно, можно утверждать, что ирония выступает в художественном дискурсе важной составляющей авторской модальности (см. об этом подробнее: (Ваулина, Булатая, 2017, 2019)), которая, в свою очередь, подчиняясь авторским идеям и замыслам, «раскрывается через всю образно-содержательную систему произведения» (Ваулина, Кукса, 2009, с. 518). В связи с этим справедливо говорить об иронической оценке как идиостилевом компоненте произведения, раскрывающем специфику речи произведений и составляющем систему как формальных, так и содержательных языковых особенностей авторского повествования.

Кроме того, необходимо подчеркнуть такую типичную черту иронической оценки, как ее негативная окраска, что раскрывается прежде всего в направленности иронии на негативное оценивание, то есть обличение изъянов и пороков, которые в идеальном мире, представленном субъектом иронии, то есть автором произведения, положительны, однако вступают в конфликт с реальностью, которая, напротив, отрицательна. По меткому замечанию М. Хартунга, «главная функция иро-

нических выражений состоит в указании на негативно оцененное знание либо же на саму негативную оценку» (Hartung, 2002, S. 162). Таким образом, ирония позволяет автору художественного произведения поделиться важной информацией с читателем, при этом прямо не констатировать определенные факты, а предъявлять информацию в закодированной форме, которую читатель должен расшифровать и осознать. Воздействие такого вида оценки в художественном дискурсе, бесспорно, намного выше эксплицированного авторского оценивания в произведении.

Из вышеперечисленных характеристик иронической оценки в художественном дискурсе можно заключить, что ирония представляет собой имплицитную негативную оценку автора художественного произведения по отношению к объектам и явлениям действительности, нашедшим отражение в текстах автора, и, выступая формой выражения субъективной модальности, составляет идиостилевую компонент произведения.

Место иронии в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»

В произведениях великого русского писателя-сатирика второй половины XIX века М. Е. Салтыкова-Щедрина ирония, направленная на обличение человеческих недостатков и общественных пороков времени самодержавия, занимает особое место. При этом в его произведениях, как отмечают Т. В. Маркелова и М. В. Петрушина, «регулярное выражение отрицательной оценки с высокой степенью категоричности и положением на концах оценочной шкалы ("очень плохо") — это характерная для писателя репрезентация семантической категории оценки с ее интеллектуально-эмоциональной и коммуникативной (неодобрение — одобрение; порицание — похвала; возмущение — восхищение) составляющей» (Маркелова, Петрушина, 2015, с. 75). В свою очередь, выбранный нами в качестве материала исследования роман «Господа Головлевы» находится в ряду лучших произведений как самого М. Е. Салтыкова-Щедрина, так и русских писателей, беспощадно критикующих вседозволенность и порочность жизни господствующих классов в обществе. По своему смыслу и характеру персонажей роман «Господа Головлевы» очень близок поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души», однако, как указывает А. С. Бушмин, «признаки социальной гангрены представлены в Головлевых в более сильной степени и выводы автора относительно исторической обреченности дворянства приняли характер окончательного, категорического приговора, не оставляющего места для гоголевских иллюзий о нравственном перерождении паразитического класса» (Бушмин, 1971, с. 11). В связи с этим можно заключить, что ироническая оценка в произведениях Салтыкова-Щедрина редко проявляется в таких ее формах, как подшучивание, подтрунивание или незлобивая насмешка, а наоборот, носит характер негодования, неодобрения, острого осмеяния и издевки. При этом ирония в романе «Господа Головлевы» создается с помощью набора разнообразнейших приемов,

среди которых, в свою очередь, можно выделить преобладающие, то есть наиболее часто встречающиеся в романе, и дополнительные, представленные не так частотно.

Приемы создания иронической оценки в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»

Наиболее частотным способом иронического оценивания в романе «Господа Головлевы» выступает прямой антифразис, то есть полное несоответствие значения слова или высказывания его контекстуальному употреблению. Ср.: «— Огурчики-то еще хороши, только сверху немножко словно поослизли, припахивают, ну, да уж пусть дворовые полакомятся, — говорила Арина Петровна, приказывая оставить то ту, то другую кадку...» (с. 272)¹. В приведенном отрывке, представляющем распорядительную речь главной героини романа, помещицы Арины Петровны, относительно накопленных запасов еды, слово *полакомиться*, имеющее словарное значение «съесть чего-л. лакомого, вкусного» (СлРЯ, т. 3, с. 255), благодаря эксплицированному контексту, включающему смысловые глаголы *поослизли*, *припахивают* (*огурчики*), получает противоположное семантическое наполнение с пейоративной окраской, что и служит актуализации авторской иронической оценки к внешне кажущейся щедрой и великодушной по отношению к своей домашней прислуге помещице.

Прямой антифразис как один из ведущих приемов иронического оценивания в романе «Господа Головлевы» возникает не только на основе несоответствия значения отдельной лексемы, но и целого предложения, например, в форме восклицания. Ср.: «— У бога милостей много, — говорила она при этом, — сиротки хлеба не бог знает что съедят, а мне на старости лет — утешение! Одну дочку бог взял — двух дал! И в то же время писала к сыну Порфирию Владимырьчу: “Как жила твоя сестрица беспутно, так и умерла, покинув мне на шею своих двух щенков...”» (с. 237). Так, в приведенном отрывке ироническому переосмыслению подвергается содержание восклицательных предложений с внешне положительной семантической окраской (*У бога милостей много... сиротки хлеба не бог знает что съедят, а мне на старости лет — утешение! Одну дочку бог взял — двух дал!*), поскольку, функционируя в контексте с последующим высказыванием Арины Петровны в упрек своей умершей дочери Анны (*умерла, покинув мне на шею своих двух щенков*), получают неодобрительный тон. Писатель насмешливо разоблачает истинное отношение помещицы к ее внукам-сиротам, которых она считает большой обузой для себя.

Еще одним видом антифразиса выступает ситуация иронического оценивания в случае, когда словарное значение лексемы не соответ-

¹ Здесь и далее иллюстративные примеры приводим по изданию: Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. Господа Головлевы. Сказки. Л.: Лениздат, 1971. В круглых скобках указываем страницу произведения, на которой находится пример.

ствуует контекстуальному, поскольку в контексте лексема приобретает не прямо противоположное значение, а дополнительные коннотации. Ср.: «— Что? что такое? — взволновалась Арина Петровна. Как женщина властная и притом в сильной степени одаренная *творчеством*, она в одну минуту *нарисовала себе картину всевозможных противоречий и противодействий* и сразу так усвоила себе эту мысль, что даже побледнела и вскочила с кресла» (с. 230). Так, слово *творчество* с его закрепленным словарным значением «деятельность человека, направленная на создание культурных или материальных ценностей» (СЛРЯ, т. 4. с. 345) в совокупности с лексическим контекстным окружением *нарисовала себе картину всевозможных противоречий и противодействий* приобретает дополнительные семантические оттенки, а именно — развитую способность человека активно фантазировать. Используя такой прием, автор иронично высмеивает «творчество» Арины Петровны, связывая его лишь с богатым воображением строить догадки и предположения.

Другим достаточно частотным приемом актуализации иронической оценки в романе служит иронический вывод, то есть нарочито ироническое заключение автора по отношению к определенным фактам. Рассмотрим некоторые разновидности данного приема иронического смыслообразования. Ср.: «В первые минуты известие это (о продаже дома сыном героини Степаном. — С. В., Е. Б.), по-видимому, отняло у нее сознание. Если б ей сказали, что *Степан Владимырьч кого-нибудь убил, что головлевские мужики взбунтовались и отказываются идти на барщину или что крепостное право рушилось*, — и тут она не была бы до такой степени поражена» (с. 230). В приведенном отрывке писатель, перечисляя возможные, логически, безусловно, важные для Арины Петровны остродраматические события: *Степан Владимырьч кого-нибудь убил, головлевские мужики взбунтовались, отказываются идти на барщину, крепостное право рушилось*, — делает неожиданный иронический вывод об их незначимости для героини: *она не была бы до такой степени поражена* — по сравнению с тем, что ее сын продал подаренный ему дом с аукциона. В данном случае писатель посредством язвительной иронии акцентирует внимание читателя на тех вещах, которые были для героини не просто важными, а судьбоносными, составляли цель ее жизни, заключающуюся в постоянном приумножении, но никак не в расточительстве накопленного и нажитого за многие годы имущества.

Интересны примеры неожиданного иронического вывода в форме восклицания. Ср.: «Она *старалась* только как можно больше *выжать* из маленького имения, отделенного покойной Анне Владимировне, и *откладывать* выжатое в *опекунский совет*. Причем говорила: — Вот и для сирот денежки *прикапливаю*, а что они *прокормлением да уходом стоят* — *ничего уж с них не беру!* За мою *хлеб-соль, видно, бог мне заплатит!*» (с. 238). В данном текстовом фрагменте романа Салтыков-Щедрин, предоставляя читателю факты о благом намерении Арины Петровны со всех сил собрать деньги для ее внучек-сирот, констатирует в итоге обратное путем употребления противоположных по смыслу иронических восклицаний-выводов: *они прокормлением да уходом стоят* — *ничего уж с них не беру!* За мою *хлеб-соль, видно, бог мне заплатит!* Ирония в приведенном

отрывке носит характер не просто насмешки, а негодования и возмущения автора относительно циничного отношения героини романа к ее внучкам.

Важное место при ироническом смыслопорождении в романе «Господа Головлевы» занимает прием антитезы, заключающийся в намеренном создании писателем в контексте контраста фактов, образов или понятий. Ср.: «Может быть, он был *добр*, но никому *добра не сделал*; может быть, был и *не глуп*, но во всю жизнь *ни одного умного поступка не совершил*. Он был *гостеприимен*, но *никто не льстился на его гостеприимство*; он *охотно тратил деньги*, но *ни полезного, ни приятного результата* от этих трат ни для кого *никогда не происходило*; он *никого никогда не обидел*, но *никто этого не вменял ему в достоинство*; он был *честен*, но *не слышали*, чтоб кто-нибудь сказал: *как честно поступил* в таком-то случае Павел Головлев!» (с. 240). Смысловую основу иронической антитезы в приведенном контексте составляют противоположные по семантической окраске оценочные слова и высказывания: *добр* – *никому добра не сделал*; *не глуп* – *ни одного умного поступка не совершил*; *гостеприимен* – *никто не льстился на его гостеприимство* и т.д. Посредством антитезы Салтыков-Щедрин формирует у читателя негативное впечатление о персонаже романа, среднем сыне Арины Петровны – Павле, что и способствует актуализации иронической оценки по отношению к герою, имеющей в данном случае форму насмешки и иронического подтрунивания.

Совсем иная, по сравнению с вышеуказанной, горькая ирония создается Салтыковым-Щедриным с помощью антитезы в нижеприведенном отрывке: «*Жаль сына, но роптать не смею*, и вам, дети мои, *не советую*. Ибо кто может сие знать? – мы здесь *ропщем*, а его душа в горних *увеселяется!*» (с. 283). Противопоставляя слова и словосочетания *жаль* – *не смей роптать, не советовать роптать*; *роптать* – *увеселяться*, писатель раскрывает истинное отношение матери Арины Петровны к умершему сыну Степану, подчеркивает безжалостность и равнодушие героини.

В следующем отрывке из романа представлена своего рода двойная антитеза, которая, во-первых, возникает благодаря вставной конструкции, а во-вторых, и непосредственно в самой вставной конструкции: «Иногда кровопивец приезжал в Дубровино, чтобы *поцеловать ручку* у доброго друга маменьки (он *выгнал* ее из дому, но *почтительности не прекращал*) – тогда Павел Владимырьч запирали антресоли на ключ и сидел взаперти все время, покуда Иудушка калякал с маменькой» (с. 297). С одной стороны, в контексте семантически противопоставляются словосочетания из основного текста *поцеловать ручку* и из вставной конструкции *выгнать из дому*, выполняющей функцию уточнения. С другой стороны, в самой вставной конструкции возникает смысловая антитеза с помощью противопоставления писателем словосочетаний *выгнать из дому*, но *не прекращать почтительности*. Такой прием позволяет автору тонко выразить ироническую оценку противоестественным с точки зрения близкородственной связи отношениям между матерью и сыном.

Еще одним частотным приемом иронического оценивания в романе является использование автором нетипичной для определенной контекстной ситуации терминологической лексики. Ср.: «Вообще она любила в глазах детей разыграть роль почтенной и удрученной матери и в этих случаях с трудом волочила ноги и требовала, чтобы ее поддерживали под руки девки. Степка-балбес называл такие торжественные приемы — *архиерейским служением*, мать — *архиерейшею*, а девок Польку и Юльку — *архиерейшиными жезлоносицами*» (с. 261). Употребляя лексику из церковной терминологии: *архиерейское служение*, *архиерейша* («архиерей — общее название для высших чинов духовенства православной церкви (епископа, архиепископа, митрополита, патриарха)») (СлРЯ, т. 1, с. 47), *архиерейшины жезлоносицы*, автор иронизирует над поведением Арины Петровны, разыгрывавшей достаточно часто спектакли перед сыновьями, чтобы получить от них поддержку и повиновение. При этом сама ироническая оценка реализуется в форме издевки по отношению к героине романа.

Интерес представляет также пример употребления автором романа слов-терминов, относящихся к политической сфере и способствующих актуализации иронии. Ср.: «Весь вечер Арина Петровна думала и наконец-таки надумала: созвать семейный совет для решения балбесовой участи. Подобные *конституционные* замашки не были в ее нравах, но на этот раз она решила ступить от преданий *самодержавия*, дабы решением всей семьи оградить себя от нареканий *добрых людей*» (с. 245–246). Писатель использует лексику политической терминологии в совершенно обыденной ситуации, мастерски совмещая политические термины с обычной лексикой: *семейный совет*, *конституционные замашки*, *предания самодержавия*, что косвенно создает ироническую оценку неодобрения и порицания уклада жизни Арины Петровны, ее отношения к сыновьям и особенностей решения семейных вопросов, которые она, несмотря на внешне коллективное обсуждение, принимает единолично.

Менее частотно в романе «Господа Головлевы» используется с целью создания иронической оценки прием интертекстуальных включений, однако некоторые из них повторяются на протяжении романа и играют ключевую роль в формировании авторской иронии по отношению к персонажам произведения. Ср.: «В минуты откровенных излияний он хвастался тем, что был другом *Баркова* и что последний будто бы даже благословил его на одре смерти. Арина Петровна сразу не залюбила стихов своего мужа, называла их паскудством и паясничаньем <...>» (с. 232); «В это время, в самый развал комитетов, умер и Владимир Михайлыч. Умер примиренный, умиротворенный, отрекшись от *Баркова* и всех дел его» (с. 288). Интертекстуальное включение в форме имени русского поэта И. С. Баркова, который известен как автор эротических, «срамных» произведений, неявно, но весьма метко раскрывает характер мужа Арины Петровны — Владимира Михайлыча. Данный персонаж отличался озорством, легкомыслием, был незамысловатым сочинителем «вольных стихов», которые, кроме него самого, никому не были интересны, что подчеркивается автором посредством интертекстуаль-

ного включения в примере описания смерти Владимира Михалыча: *умер примиренный, умиротворенный, отрекшись от Баркова и всех дел его*. В приведенном примере авторская ирония проявляется в форме насмешки, совмещенной с сожалением по поводу жизненной несостоятельности и никчемности данного героя романа.

Так же малочастотным, но достаточно показательным в плане реализации иронической оценки писателя в романе является прием создания абсурдных ситуаций. Ср.: «— *За ваше здоровье, маменька!* — говорит он [доктор], обращаясь к старухе барыне и проглатывая водку. — *На здоровье, батюшка!* — *Вот от этого самого Павел Владимирович и погибает в цвете лет — от водки от этой!* — говорит доктор, приятно морщась и тыкая вилкой в кружок колбасы. — Да, много через нее людей пропадает. — *Не всякий эту жидкость вместить может — оттого! А так как мы вместить можем, то и повторим! Ваше здоровье, сударыня!*» (с. 285). Приведенный текстовый фрагмент, основанный на столкновении в одной ситуации взаимоисключающих, несовместимых точек зрения в форме восклицаний, принадлежащих одному и тому же персонажу, по отношению к проблеме употребления спиртного, демонстрирует ироническую оценку автора относительно данного персонажа — врача, который лечил уже совсем немощного мужа Арины Петровны. С одной стороны, негативная реакция врача на употребление спиртного, выраженная в его высказываниях типа *погибает в цвете лет — от водки от этой*, а с другой — его положительное отношение к употреблению данного напитка лично: «*А так как мы вместить можем, то и повторим! Ваше здоровье, сударыня!*», — создают смысловое противоречие, способствующее формированию у читателя негативного отношения к персонажу.

Немаловажное место в романе «Господа Головлевы» занимает такой прием актуализации иронии, как риторический вопрос. Именно такой вопрос, уже подразумевающий очевидный ответ и служащий для эмоционального отрицания или утверждения сказанного, создает условие для возникновения неявной оценки, выраженной в форме иронии. Например, в нижеследующем контексте риторический вопрос *Что я без поганок-то без своих делать буду?* дает читателю возможность отчетливо воспринять иронию автора относительно неспособности героини романа, Арины Петровны, жить самостоятельно, без постоянной помощи прислуги. Ср.: «Как тут поступить? Ведь мы какое воспитание-то получили? Потанцевать да попеть да гостей принять — *что я без поганок-то без своих делать буду?* Ни я подать, ни принять, ни приготовить для себя — ничего ведь я, мой друг, не могу!» (с. 289). Имплицитный ответ на риторический вопрос предполагает, что хозяйка не справится сама с ведением домашних дел и ухаживанием за собой. Причем слово *поганка* — «скверный, недостойный, гадкий человек» (СлРЯ, т. 3, с. 165), которым хозяйка пренебрежительно называет своих прислуг, получает в риторическом вопросе положительную окраску, поскольку героиня, несмотря на суровое и презрительное отношение к прислуге, все-таки будет жалеть о ее отсутствии. При этом ирония автора заключается в обличении личной несостоятельности Арины Петровны, образ которой символически олицетворяет несостоятельность помещичьего класса.

В следующем отрывке риторический вопрос способствует актуализации горькой иронии, представленной в форме сожаления: «— *Господи! и в кого я таких извергов уродила! Один — кровопивец, другой — блаженный какой-то! Для кого я припасала! Ночей недосыпала, куска недоедала... для кого?!*» (с. 296). Главная героиня романа задается горестными вопросами о ее старании накопить побольше имущества для своих сыновей, которые, однако, не оценили по достоинству ее усилий. Отраженный в риторических вопросах *Господи! и в кого я таких извергов уродила! Для кого я припасала! Ночей недосыпала, куска недоедала... для кого?!* контраст между ежедневными жертвами героини с целью накоплений для ее сыновей и пониманием бессмысленности данных жертв создает смысловую основу для вышеназванной иронической оценки по отношению к самой героине и ее сыновьям.

Заключение

Вышеперечисленные приемы создания иронии в романе «Господа Головлевы» создают основу для реализации авторской оценочной позиции М. Е. Салтыкова-Щедрина по отношению к персонажам, фактам, ситуациям, описываемым в произведении, и формируют систему идиостилевых черт автора, раскрывающих как языковое воплощение текстовой стороны анализируемого романа, так и индивидуальные особенности мировидения писателя. Безусловно, они не исчерпывают всего широкого спектра приемов создания иронической оценки в романе, однако, как показал проведенный анализ, являются наиболее употребляемыми автором, что можно объяснить, во-первых, семантическими особенностями самой категории иронии в целом, во-вторых, типичными чертами, которыми обладает ирония, функционируя непосредственно в координатах художественного текста, а в-третьих (что играет ключевую роль при выборе автором определенных средств), идейными замыслами и своеобразием идиостиля Салтыкова-Щедрина. При этом писатель отдает предпочтение таким приемам иронического смыслообразования, как антифразисное употребление лексики, неожиданный иронический вывод из представленной ситуации, антитезные отношения, реализующиеся в контексте, использование нетипичной для описываемой ситуации терминологической лексики, введение в повествование интертекстуальных включений, создание абсурдных ситуаций, включение риторических вопросов.

В целом непосредственную ироническую оценку в романе можно охарактеризовать как язвительно-насмешливую, весьма редко совмещающуюся с юмором и мягкой насмешкой. И это свойство писательской иронии вполне закономерно, поскольку ее цель заключается не только в том, чтобы просто осмеять, но и сатирически остро показать отрицательные черты человеческой личности и пороки современного великому писателю-сатирику классового общества в целом, что М. Е. Салтыков-Щедрин весьма ярко показал на примере сатирического изображения уклада жизни одной помещичьей семьи — семьи Головлевых.

Список литературы

- Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М., 1994.
- Бушмин А. С. М. Е. Салтыков-Щедрин. Вступительная статья // Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. Господа Головлевы. Сказки. Л., 1971. С. 3–30.
- Бушмин А. С. Салтыков-Щедрин. Искусство сатиры. М., 1976.
- Ваулина С. С., Булатая Е. В. Средства выражения иронии в немецкоязычных переводах гоголевских текстов // Научный диалог. 2019. №3. С. 9–23. doi: 10.24224/2227-1295-2019-3-9-23.
- Ваулина С. С., Булатая Е. В. Текстовые средства экспликации иронии как компонента авторской модальности в произведениях Н. В. Гоголя // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. №4 (58), ч. 2. С. 20–23. doi: 10.23670/IRJ.2017.58.045.
- Ваулина С. С., Кукса И. Ю. Модальность предложения – модальность текста: актуальные аспекты изучения // Acta Polono-Ruthenica. 2009. №14. S. 513–520.
- Гагарина Н. Н. Языковые особенности сатирического стиля М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Филологические науки. 2006. №5 (2). С. 9–14.
- Гроссман Л. П. Салтыков-сказочник. Россия Салтыкова // Борьба за стиль. Опыты по критике и поэтике. 2-е изд. М., 1929. С. 154–202.
- Ефимов А. И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М., 1953.
- Заврумов З. А. Имплицитность иронии в семантическом пространстве художественного текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. №2. С. 51–55.
- Золян С. Т. Дискурс: объект или конструктор? // Иностранные языки в высшей школе. 2020. №2 (53). С. 7–17.
- Иванов-Разумник Р. В. М. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. М., 1930. Ч. 1.
- Кузнецова А. В. Субъективная модальность художественного текста: онтологический статус в авторской концепции мира // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2020. №4. С. 5–14.
- Маликова Е. С., Маркелова Т. В. Ирония и оценочность // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2013. №4. С. 79–88.
- Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Аксиологическая природа смеха в идиостиле М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова. 2015. №4. С. 71–76.
- Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
- Саввина Ю. В. Деривация как способ выражения оценочной картины мира в идиостиле М. Е. Салтыкова-Щедрина // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2008. №4. С. 86–92.
- Сергиенко А. В. О природе иронии как проявлении импликации (на материале прозы Г. Гейне) // Семантические процессы на разных уровнях языковой системы. Саратов, 1994. С. 156–163.
- Солодилова И. А. Оценочность иронических смыслов // Вестник Оренбургского государственного университета. Теория языка. Лингвистика текста. 2014. №11 (172). С. 121–127.
- Степанов Ю. С. В мире семиотики // Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.; Екатеринбург, 2001.
- Трофимов И. Т. Революционная сатира Салтыкова-Щедрина и русская литература. М., 1967.

Шилихина К.М. Семантика и прагматика вербальной иронии. Воронеж, 2014.

Эльсберг Я.Е. Салтыков-Щедрин: Жизнь и творчество. М., 1953.

Hartung M. Ironie in der Alltagssprache: eine gesprächsanalytische Untersuchung. Radolfzell, 2002.

Список источников и принятых сокращений

Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. Господа Головлевы. Сказки. Л., 1971.

СЛРЯ – Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Институт лингвистических исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.

Об авторах

Светлана Сергеевна Ваулина, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: svaulina@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7109-2836

Елена Васильевна Булатая, кандидат филологических наук, доцент, Барановичский государственный университет, Беларусь.

ORCID: 0000-0001-7948-5108

E-mail: bulataya87@mail.ru

Для цитирования:

Ваулина С.С., Булатая Е.В. Ирония М.Е. Салтыкова-Щедрина: особенности иронической оценки в романе «Господа Головлевы» // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, №4. С. 123–136. doi: 10.5922/2225-5346-2021-4-7.

IRONIC ASSESSMENT IN SALTYKOV-SHCHEDRIN'S NOVEL THE GOLOVLYOVS

S. S. Vaulina¹, E. V. Bulataya²

¹Immanuel Kant Baltic Federal University
56a, Chernyshevsky St., Kaliningrad, Russia

²Baranovichi State University
21, Voikova St., Baranovichi, Republic of Belarus

Submitted March 23, 2021
doi: 10.5922/2225-5346-2021-4-7

Irony is considered as an evaluative category in literary and artistic discourse. The authors point out such typical features of ironic evaluation as implicit character, i.e. the ability of irony to present the evaluative position of the author in a veiled form, subjectivity, which is directly dependent on the author's attitudes and ideological intentions, negative colouring of ironic evaluation and a high degree of its impact on the reader. The authors identify the basic techniques of expressing ironic assessment in Saltykov-Shchedrin's novel "The Golovlyovs". The peculiarities of ironic evaluation are analyzed, and the forms of expressing irony are identified. The main techniques of expressing irony in the novel are antiphrasis, unexpected ironic inference from a situation, antithesis, the use of inappropriate collocations that do not fit the context, intertextual inclusions, intentionally created absurd situations, and rhetorical ques-

tions. The main feature of ironic evaluation in the novel is its satirical basis, its distancing from humour and the focus on the denunciation of human vices and social flaws in the historical period of the domination of the landlord class. Ironic evaluation in Saltykov-Shchedrin's novel is an important component of the Saltykov-Shchedrin's ideostyle and reveals the specificity of his narration and the peculiarities of the writer's worldview.

Keywords: irony, assessment, author's modality, idiostyle, literary discourse, methods of ironic assessment

References

- Aikhenval'd, Yu. I., 1994. *Siluety russkikh pisatelei* [Silhouettes of Russian writers]. Moscow (in Russ.).
- Bushmin, A. S., 1971. M. E. Saltykov-Shchedrin. Introductory article. In: *Saltykov-Shchedrin M. E. Istoriya odnogo goroda. Gospoda Golovlevy. Skazki* [Saltykov-Shchedrin M. E. The history of one city. The Golovlyovs. Fairy tales]. Leningrad, pp. 3–30 (in Russ.).
- Bushmin, A. S., 1976. *Saltykov-Shchedrin. Iskusstvo satiry* [Saltykov-Shchedrin. The Art of Satire]. Moscow (in Russ.).
- Efimov, A. I., 1953. *Yazyk satiry Saltykova-Shchedrina* [The language of satire by Saltykov-Shchedrin]. Moscow (in Russ.).
- El'sberg, Ya. E., 1953. *Saltykov-Shchedrin: Zhizn' i tvorchestvo* [Saltykov-Shchedrin: Life and work]. Moscow (in Russ.).
- Gagarina, N. N., 2006. The language peculiarities of the idiostyle by Saltykov-Shchedrin. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series], 5 (2), pp. 9–14 (in Russ.).
- Grossman, L. P., 1929. Saltykov is a storyteller. Russia of Saltykov. In: *Bor'ba za stil'. Opyty po kritike i poetike* [The struggle for style. Experiments on criticism and poetics]. 2nd ed. Moscow, pp. 154–202 (in Russ.).
- Hartung, M., 2002. *Ironie in der Alltagssprache: eine gesprächsanalytische Untersuchung* [Irony in spoken language: discursive analytical research]. Radolfzell.
- Ivanov-Razumnik, R. V., 1930. *M. E. Saltykov-Shchedrin. Zhizn' i tvorchestvo* [M. E. Saltykov-Shchedrin. Life and work]. Moscow (in Russ.).
- Kuznetsova, A. V., 2020. Subjective modality of the literary text: ontological status in author's conception of the world. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Bulletin of the Baltic Federal University I. Kant. Ser.: Philology, pedagogy, psychology], 4, pp. 5–14 (in Russ.).
- Malikova, E. S., Markelova, T. V., 2013. Irony and evaluation. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela* [Proceedings of higher educational institutions. Problems of printing and publishing], 4, pp. 79–88 (in Russ.).
- Markelova, T. V., Petrushina, M. V., 2015. Axiological nature of laugh in M. E. Saltykov-Shchedrin's idiostyle. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta pechati imeni Ivana Fedorova* [Vestnik MGUP], 4, pp. 71–76 (in Russ.).
- Nikitin, M. V., 1988. *Osnovy lingvisticheskoi teorii znacheniya* [Fundamentals of linguistic theory of meaning]. Moscow (in Russ.).
- Savvina, Yu. V., 2008. Derivation as a way to express estimated picture of the world in the idiostyle of M. E. Saltykov-Shchedrin. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela* [Proceedings of higher educational institutions. Problems of printing and publishing], 4, pp. 86–92 (in Russ.).
- Sergienko, A. V., 1994. On the nature of irony as a manifestation of implication (based on the material of G. Heine's prose). In: *Semanticheskie protsessy na raznykh urovnyakh yazykovoi sistemy* [Semantic processes at different levels of the language system]. Saratov, pp. 156–163 (in Russ.).

Shilikhina, K.M., 2014. *Semantika i pragmatika verbal'noi ironii* [Semantics and pragmatics of verbal irony]. Voronezh (in Russ.).

Solodilova, I.A., 2014. Evaluation of irony meaning. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Teoriya yazyka. Lingvistika teksta* [Bulletin of Orenburg State University. Theory of language. Text linguistics], 11 (172), pp. 121–127 (in Russ.).

Stepanov, Yu.S., 2001. In the world of semiotics. In: Yu.S., Stepanov, ed. *Semiotika: Antologiya* [Semiotics: Anthology]. 2nd ed. Moscow, Ekaterinburg (in Russ.).

Trofimov, I.T., 1967. *Revolutsionnaya satira Saltykova-Shchedrina i russkaya literatura* [Saltykov-Shchedrin's Revolutionary Satire and Russian Literature]. Moscow (in Russ.).

Vaulina, S.S., Bulataya, E.V., 2017. Textual means of explicating irony as a component of author's modality in N.V. Gogol's works. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International Research Journal], 4 (58), pp. 20–23. doi: <https://10.23670/IRJ.2017.58.045> (in Russ.).

Vaulina, S.S., Bulataya, E.V., 2019. Means of Irony Expression in German Translations of Gogol's Texts. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 3, pp. 9–23. doi: <https://10.24224/2227-1295-2019-3-9-23> (in Russ.).

Vaulina, S.S., Kuksa, I. Yu., 2009. Sentence modality text modality: topical aspects of studies. *Acta Polono-Ruthenica*, 14, pp. 513–520 (in Russ.).

Zavrumov, Z.A., 2016. The irony implicit in the semantic space of literary text. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2, pp. 51–55 (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2020. Discourse: an Object of Research or a Research Construct? *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], 2, pp. 7–17 (in Russ.).

Material resources

Saltykov-Shchedrin, M.E., 1971. *Istoriya odnogo goroda. Gospoda Golovlevy. Skazki. Leningrad* [The history of one city. The Golovlyovs. Fairy tales]. Leningrad (In Russ.).

SLRYA – Evgenyeva, A.P. (ed.), 1999. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow (In Russ.).

The authors

Prof. Svetlana S. Vaulina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: svaulina@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7109-2836

Dr Elena V. Bulataya, Associate Professor, Baranovichi State University, Belarus.

E-mail: bulataya87@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7948-5108

To cite this article:

Vaulina, S.S., Bulataya, E.V. 2021, Ironic assessment in Saltykov-Shchedrin's novel *the Golovlyovs*, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 12, no. 4, p. 123–136. doi: [10.5922/2225-5346-2021-4-7](https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-4-7).